

А. Л. ЯКОВСОН

К ИЗУЧЕНИЮ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНЕСА

(Исправления и дополнения к работе „Средневековый Херсонес“, МИА, вып. 17, 1950)

Названная работа принадлежит к числу немногих, к сожалению, работ по истории материальной культуры Северного Причерноморья в средние века. Книга содержит публикацию нескольких больших групп археологических памятников, и потому, естественно, ею продолжают пользоваться.

Однако за 9 лет, прошедших со времени выхода в свет указанной работы, выявлены новые факты, вызвавшие ряд новых соображений и, соответственно, вносящие определенные коррективы в книгу. Некоторые важные коррективы и исправления внесли авторы двух рецензий — З. В. Удальцова¹ и Е. Ч. Скржинская². Правда, не со всеми замечаниями последней можно согласиться: отвергнув объяснения и трактовки некоторых моментов в жизни Херсонеса, рецензент предложила свои соображения, которые, на наш взгляд, не все могут быть приняты. Обсуждение этих вопросов следует продолжить. Наконец, имеется основание и для нового обсуждения вопроса о времени гибели Херсонеса как города.

Изложение будем вести по главам.

К²гл. I — Очерки истории Херсона в XI—XIV вв.

Прежде всего — несколько замечаний по поводу рецензии Е. Ч. Скржинской, в которой книга подвергнута критике. Впрочем, критика касается больше первой главы, составляющей всего 15 процентов всей книги. Остальные главы, притом основные, рецензент лишь пространно изложила. Да и в отношении гл. I Е. Ч. Скржинская не обронила ни единого слова о той общей картине истории Северного

¹ З. В. Удальцова, рец., Вопросы истории, 1951, № 8, стр. 136—139.

² Е. Ч. Скржинская, рец., ВВр, VI, 1953, стр. 252—268.

Причерноморья в XI—XIV вв., которая правильно или неправильно, но в советской литературе там дана впервые. Рецензент свое внимание направила на отдельные эпизоды истории Херсона и больше всего—на мелкие ошибки и на опечатки (перечень тех и других приведен в указанной рецензии, стр. 267—268).

Отдельные ошибки, действительно, особенно досадны: на стр. 20¹ в летописной цитате о событиях 1066 года указана дата от начала н. э. вместо 6574 (от „сотворения мира“); на стр. 17— дату поражения печенегов следовало дать по „Повести временных лет“ (1036 год), а не по Ипатьевской летописи (1034 год); стр. 39—по договору 1352 года императора Кантакузина с Генуей запрещение плавать в Тану касалось только греческих судов, венецианские суда при этом не упоминались.

Некоторые другие замечания также должны быть приняты.

1) Е. Ч. Скржинская отмечает неправомерность обычного в исторической литературе наименования Крыма Тавридой. В источниках полуостров называли в средние века Скифией, Хазарией, Готфией, Таврикой; последнее название наиболее правильно применять к средневековому Крыму.

2) Рецензент указывает, что в источниках нет и намек на то, что Георгий Цула, являвшийся в начале XI в. протоспафарием и стратигом Херсона, был хазарином (стр. 15—16) и что, следовательно, ни о каком, хотя бы временном, захвате Херсона хазарами после ухода оттуда войска Владимира говорить нет оснований. Таким образом, византийский флот был направлен в Хазарию (т. е. в Таврику) не для изгнания хазар, а для подавления восстания в Херсоне во главе с Георгием Цулой, в результате которого город отложился от империи (рец., стр. 266—267). К такому мнению присоединился и А. П. Каждан². В данном случае пишущий эти строки слишком доверился выводам В. Юргевича, А. Васильева и В. Васильевского.

3) Путаницу с золотоордынским временщиком Едигеем указала З. В. Удальцова³. Едигей не воцарился в последние годы XIV в., а только выдвинулся (стр. 42); кроме того, он в Крыму преследовал одного из сыновей Тохтамыша, а не являлся сыном последнего (стр. 42).

Остальные крупные замечания Е. Ч. Скржинской нельзя признать обоснованными.

1) В надписи Льва Алиата 1059 года, по мнению рецензента, речь идет о воротах, и, следовательно, к истории крепостных сооружений Херсона надпись не относится (рец., стр. 259—260). Но разве ворота крепости (тои *кастрои*) не являются крепостными сооружениями? При длительной осаде города в конце X в. они могли пострадать больше, чем другие части крепостной ограды, и потому в первую очередь нуждались в восстановлении.

2) О событиях 1066 года рецензент говорит особенно много. По ее мнению, в книге не принято во внимание замечание русской летописи, что греков испугала активность Ростислава, „емлющу дань у Касог и у инех странах“. Но нельзя же официальную версию рассказа безоговорочно принимать за действительность! В данном случае Е. Ч. Скржин-

¹ Здесь и дальше указаны страницы книги „Средневековый Херсонес“.

² А. Каждан, Социальный состав византийских городов в IX—X вв., ВВр, VIII, 1956, стр. 91, прим. 7.

³ Вопросы истории, 1951, № 8, стр. 139.

ская полностью игнорирует конкретную историческую обстановку, которая достаточно объясняет, что херсонесский котопан действовал вовсе не с целью ослабить русскую активность, а с иными целями, о которых ясно дает понять сообщение В. Татищева по не дошедшим до нас источникам. Об искусственности объяснения летописца писал и М. В. Левченко, который в этом пункте ссылается на мою книгу¹.

Кроме того, рецензент считает, что в летописном сообщении о событиях 1066 года нет причинной связи между избиением котопана и убийством Ростислава. Но летописный контекст убеждает в обратном: оба сообщения неразрывно между собой связаны.

Далее Е. Ч. Скржинская останавливается на причинах самого восстания в Херсоне против византийской власти в лице котопана. Рецензент придерживается буквального понимания источника (в передаче В. Татищева): восстание, согласно В. Татищеву, она считает выражением оппозиции Роману Диогену, потерпевшему поражение от турок-сельджуков в 1071 году и затем свергнутому с престола. Однако эта внешняя оболочка событий несколько не раскрывает их классовый смысл. Несколько не поясняет херсонские события и ссылка на фамилию Алиатов, являвшихся приверженцами Романа Диогена. Ничего большего, чем простая возможность, в этом предположении не содержится.

Мы не видим основания менять данное нами объяснение восстания (стр. 20—23), вызванного усилением налогового гнета, о чем говорится в источниках, которыми пользовался Муральт, — источниках, по-видимому, не адекватных тем, которые имел в руках В. Татищев. То и другое сообщения отнюдь не однородны и существенно дополняют друг друга.

3) То же чрезмерно буквальное понимание источника, на этот раз агиографического, сказалось и в трактовке рассказа „Похвального слова св. Евгения“ (рец., стр. 260—261). Правда, в нем действительно ничего не говорится о бегстве, а только об отъезде херсонской знати и купечества, как и указано в книге (стр. 28), но разве невероятно, что те и другие под угрозой турецкого (сельджукского) нашествия 1221—1222 годов в Крым поступили так же, как в те годы поступило купечество Сугдеи, которое, по сообщению Ибн-ал-Асира, бежало в Рум, спасаясь от татар.

4) Неправильное (на мой взгляд) понимание рецензентом подлинной истории средневековой Таврики очень ясно сказалось в ее трактовке роли Херсона как византийского форпоста. Какие факты позволяют утверждать, что средневековый Херсон был „средоточием интенсивной торговли Константинополя и малоазиатского черноморского побережья с обитателями южнорусских степей, с самой Русью, с приволжским Северо-Востоком“? (рец., стр. 262). Здесь Херсон изображен таким, каким он в представлении Е. Ч. Скржинской должен был быть, а не таким, каким он был в действительности.

Во-первых, непосредственная торговля Херсона с Константинополем почти ничем не документирована. Изделия столичного привоза, конечно, имеются в Херсоне (например, для V—VI вв.—архитектурные детали; для IX—X вв.—поливная керамика), но показателем интенсивной торговли они не являются. Заморская торговля Херсона,

¹ М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений, М.—Л., 1956, стр. 404.

как хорошо известно, направлялась в Малую Азию¹, а не в византийскую столицу. Во-вторых, торговля Херсона с Русью вообще никогда не была сколько-нибудь развита: русские торговые караваны, как правило, направлялись непосредственно в Константинополь, где русские купцы составляли заметный элемент². Связи с Северным Причерноморьем Киевская Русь во второй половине X и в XI в. осуществляла через Тмутаракань, а не через Херсон.

Мы вправе повторить, что в те периоды, когда Херсон был в политическом отношении византийским (а эти периоды далеко не охватывают все средневековье), Херсон бы³ для Византии прежде всего форпостом в Северном Причерноморье — в огромном районе „варварского“ мира.

Наконец, одно утверждение Е. Ч. Скржинской попросту необъективно: „Особенно надо подчеркнуть грубое упущение автора при исследовании вопроса о культурных связях Херсона, выразившееся в антинаучном игнорировании культурных взаимоотношений Херсона и Поднепровья“ (рец., стр. 269, ср. стр. 257). Но достаточно прочесть большой абзац книги на стр. 254, начинающийся словами: „Наш взгляд постоянно обращался на Север, в сторону Киевской Руси...“, чтобы убедиться в недопустимом искажении рецензентом содержания книги³. Что касается самих связей Херсона с Киевской Русью, то ни одного факта относительно этого рецензент не привел: по-видимому, таких фактов у него не было. Их и в действительности очень мало, и относятся они только к XIII в., о чем говорится в соответствующем месте работы (стр. 35).

В целом рецензия Е. Ч. Скржинской, правильно указывая на содержащиеся в книге отдельные ошибки автора и на опечатки, не дала вполне объективной оценки работы.

Это не значит, что мы и теперь готовы отстаивать все свои выводы и заключения. Некоторые из них и помимо отмеченных рецензентами нуждаются в пересмотре. Сюда относится вопрос о времени гибели Херсона как города в конце XIV в. (стр. 42, 99 и др.).

Дата эта была установлена нами, в сущности, по косвенным данным — сведениям нарративных источников о татарских набегах Едигея в последний год XIV в.: полчища татар громили не только восточные, но и юго-западные районы Крыма. Отсюда — предположение, что именно татары сожгли Херсон, после чего он уже не возрождался. Но в каком состоянии Херсон был перед тем — об этом источники также не сообщают, был ли это полнокровный город или татары лишь доконали еле влачивший свое существование Херсон. Вещественный источник, как свидетельство его существования в XIV в., не более надежен: это полевная керамика того времени (главным образом чаши с росписью ангобом — гр. 9, стр. 193—194). Но такого рода керамика встречается при раскопках городища в очень небольшом количестве, значительно меньшем, чем керамика предшествующих XII—XIII столетий.

Как видим, никаких определенных фактов в пользу существования Херсона как города в XIV в., в сущности, у нас нет. Полива XIV в.

¹ См. Письма папы Мартина или, позднее, трактат Константина Багрянородного *De administrando imperio*, гл. 53 (пер. Н. Малицкого: Известия византийских писателей о Северном Причерноморье, Л., 1934, стр. 44).

² См. М. В. Левченко, ук. соч., стр. 389, сл.

³ К русско-корсунской теме автор возвращается на протяжении книги неоднократно: стр. 11—15, 20—25, 28, 35, 264.

слишком малочисленна, чтобы решить вопрос. Зато массовый материал, прежде всего керамика—амфоры, разнообразные сосуды, полевые блюда и чаши, происходящие из верхнего слоя городища,— большей частью ясно датируются в пределах XII—XIII вв.: амфоры с яйцевидным туловом и высоко поднятыми ручками в основном относятся к XII в.¹, а большие амфоры с дуговидными ручками и с широким бороздчатым туловом, как показывают аналогичные амфоры Саркела, Таманского городища и др., а также древнерусские корчаги—не позднее XIII в.²; что касается многочисленных и разнообразных полевых блюд и чаш местного производства, то они, как убеждает множество аналогий, определенно датируются в пределах XII и, главным образом, XIII вв.³ Не лишено значения, что и монетные находки XIV в. почти отсутствуют, а монеты XIII в., хотя и изредка, но встречаются⁴. Характерно, что раскопки жилых кварталов в северо-восточной части городища с юго-восточной стороны главной улицы (против кв. III), начатые И. А. Антоновой в 1956 году, дали материалы не позднее XII в.—кровельная черепица типа IX—X вв., белоглиняная полива X в. и полива с украшениями выемчатой техникой (типа гр. 12, табл. XXIX), т. е. XII в. Только амфора с дуговидными ручками, найденная на дне глубокого подвала, показывает, что жизнь здесь продолжалась и в XIII в.

Вот почему мы склоняемся к мысли, что в XIV в. Херсон не был не только крупным городом — ремесленным центром, но и вообще крупным поселением.

Немногие уцелевшие дома среди запустевших кварталов, и то преимущественно в северной прибрежной части города,— таким вернее представлять себе Херсон накануне его окончательной гибели.

Не разделил ли он судьбу других крупных поселений юго-западного Крыма, разгромленных полчищами Ногая в 1299 году?

К гл. II — Жилые кварталы

Здесь сделаем несколько поправок и одно дополнение.

1. Рис. 1 (стр. 49): соответственно тексту (стр. 52) следует исправить обозначения на чертеже: помещения 14а, 33а и 33₁ — принадлежат усадьбе с пом. 7а, 6, 6а, 8а. Кроме того, план следует дополнить обозначением помещений 0₂ и 28, расположенными к северо-западу от помещений 27 и 26₁ = 2.

2. На чертеже — рис. 7 пропущены обозначения помещений 16 (рядом с помещением 17), 32 (к северо-западу от помещения 24) и В (гробница к юго-западу от часовни Т).

3. На стр. 93, примечание 2 в 4-й строке снизу следует читать пом. IV—V и XI...

4. В тексте указаны только закавказские аналогии общественной

¹ А. Л. Якобсон, Средневековые амфоры Северного Причерноморья, СА, XV, 1950, стр. 342, рис. 10, 35, 36.

² Там же, стр. 340—342, рис. 11, 37—39.

³ МИА, вып. 17, гл. IV, группы 5, 6, 8, 11—16.

⁴ См., например, выполненную Л. Н. Беловой опись монет из раскопок с.-в. части городища в 1908—1912 гг., X сб., III, 1931, стр. 143—213. Из 1907 средневековых монет найдено византийских монет XI—XIII вв. 10, восточных 13, всего 23, из них только 2 золотоордынских XIV в. (там же, стр. 164 и 201).

бани и отмечено, что „отсутствие исследований средневековых бань малоазийских областей, с которыми Херсон издавна был в культурной связи, лишает нас возможности привлечь этот материал“. Однако нами была пропущена публикация средневековой бани на о. Самосе—единственной аналогичной по планировке херсонесской бани в районе

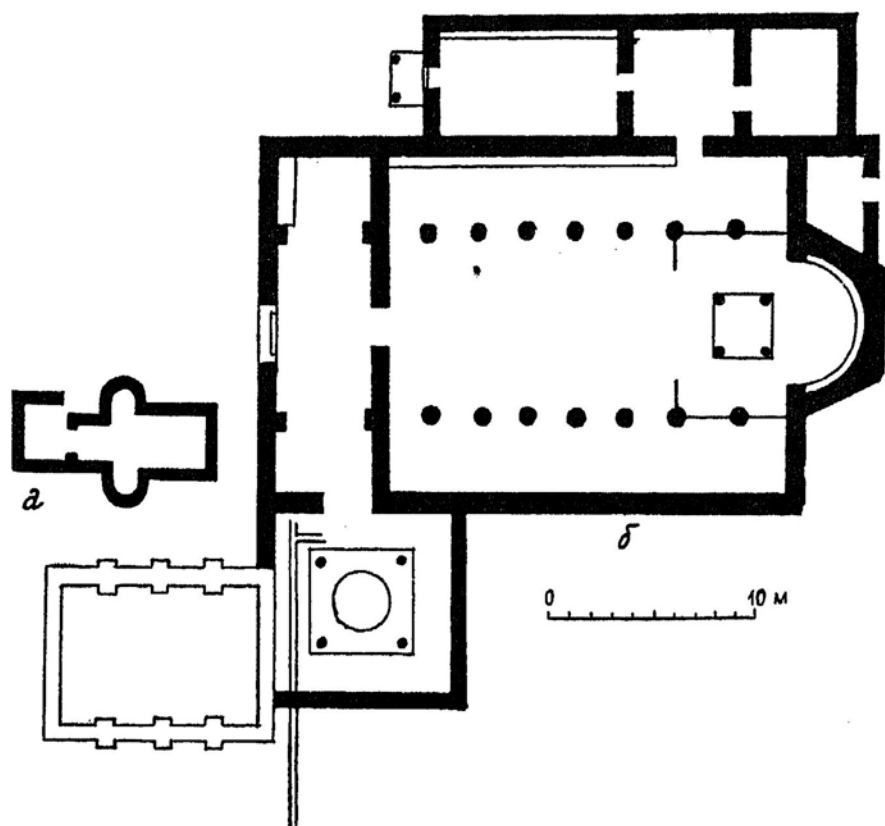

Рис. 1. Баня на о. Самосе (по А. Шнейдеру).

Малой Азии (рис. 1): См. А. М. Schneider, Samos in frühchristlicher und byzantinischer Zeit, Mitteilungen des Deutsch. Archäolog. Instituts, Athenische Abteilung, LIV, 1929, стр. 125 и рис. 14.

К гл. III—Ремесло

1. Раскопками последних лет выявлено 7 новых ремесленных меток на средневековых черепицах (рис. 2).

№ 40а (и 47) (всадник и птица), № 481/55. Найдены в 1955 году в северной прибрежной части городища, в доме III (пом. 11, 12, 13), в верхнем слое. Черепок светло-красный, покрыт ангобом. Форма черепицы и слабый рельеф метки, как и условия находки (этого и других экземпляров с такой меткой), указывают на позднесредневековое время—вероятно, XIII в.

На табл. 4 и 5—6 (стр. 127 и 128) под №№ 40 и 47 нами изданы две части этой сложной метки—всадник и птица, сочтенные нами, вследствие фрагментарности черепиц, за две самостоятельные и различные метки. Теперь выясняется, что это две части одной сложной метки. Примеры сложных меток встречались и раньше, но обычно они представляли собой сочетание изображения и буквы или букв (№№ 29, 39, 44, 48,

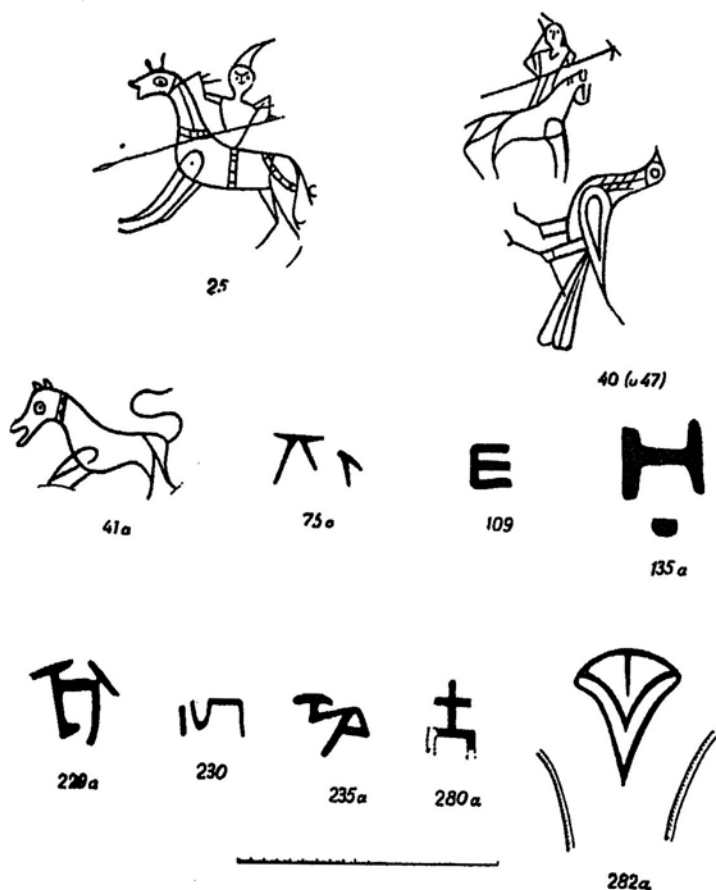

Рис. 2. Таблица вновь найденных меток на черепицах.

49), или условного знака (звезда) (№ 26), или, наконец, сочетание нескольких надписей, или, вернее, полной подписи и монограммы (№№ 249 и 250), или сочетание только букв (№ 160). Все эти сложные метки обозначают, как мы предполагаем (стр. 152—153), объединение нескольких гончаров-ремесленников, большей частью двух, иногда и больше (4—5 гончаров), отметивших свое участие в производстве на матрице, в которой формовались черепицы, отображая, таким образом, существенную черту организации производства. Метка № 40а выделяется лишь одной особенностью: здесь сочетаются не надписи или монограммы и не изображения с буквами, а два изображения, что придает этой метке особый интерес.

№ 41а (конь), найдена в 1955 году в северной прибрежной части городища, в доме III (пом. 11, 12, 13). Рельеф метки слабый. Черепица типично позднесредневековая, XIII в.

№ 75а (две буквы), найдена в 1956 году в северо-восточной части городища, на III поперечной улице. Рельеф метки—3—4 мм, черепок светло-красный. Черепица позднесредневековая, XII—XIII вв. Представляет собой сочетание двух знаков. См. замечание к № 40а.

№ 135а (Н) — № 492/55, найдена в 1955 году в северной прибрежной части городища. Рельеф метки высокий, что склоняет к датировке черепицы X или XI в., хотя она найдена в верхнем слое.

№ 213а (монограмма), № 600/51, найдена в 1951 году в северной прибрежной части городища, в яме среди материала X в. Исходя из этого, а также рельефа метки и типа черепицы, мы относим ее к X в.

№ 229а найдена в 1955 году на участке к югу от крестообразного храма № 19. Рельеф метки — высокий. Темно-красный черепок, форма бортиков, обычных для черепиц X в., позволяет отнести черепицу к этому времени.

№ 235а (монограмма), найдена в 1956 году с северо-восточной части городища, на III поперечной улице, против III квартала, в верхнем слое. Рельеф метки 2—3 мм. Черепица — с водосливными бортиками. Сравнительно небольшой рельеф метки и условия находки (верхний слой) может указывать на время XI—XII вв.

№ 280а (знак в виде буквы П с крестом наверху), № 155/12; другой экземпляр найден в 1951 году, там же, где № 213а; относится по тем же признакам к X в. Черепицы с похожим, но не тождественным знаком найдены в 1958 г. при раскопках сельского поселения IX—X вв. близ с. Бобровка в Байдарской долине.

№ 282а (условный знак в виде клина), № 464/55; найден в 1955 году в северной прибрежной части городища, в верхнем слое. Рельеф метки — плоский; форма черепицы типично позднесредневековая; исходя из этого, относим черепицу к XIII в.

2. К черепичным меткам № 281 и 315; похожие метки — на черепицах из раскопанных в 1871 году церковей близ Ялты и у Аю-Дага (чертежохранилище ИИМК, № 4454).

3. Отметим некоторые опечатки:

Стр.	Колонка	Строка	Напечатано	Надо
134	прав.	39 св.	метка 191	метка 190
134	прав.	41 св.	метка 190	метка 191
144	левая	12 св.	7, 11, 17	7—11, 12
144	левая	14 св.	13, 16, 17, 18	13, 17 и 18
144	левая	прим. 3, 2 строки снизу	288, 314, 317	288, 322, 323
144	прав.	прим. 1	...305—311, 318	...305—311
144	прав.	прим. 2	№№ 25—61, 312	№№ 25—61, 320, 321
147	левая	10 св.	№ 317	№ 323
147	левая	15 св.	№ 318	№ 315
118	левая	надпись над рис. 82	ГЕОР[ГОС]	ГЕОРГ[ГОС]

При публикации херсонесской поливной керамики XI—XIV вв. нами была опущена наиболее ранняя группа ее, состоящая из не-

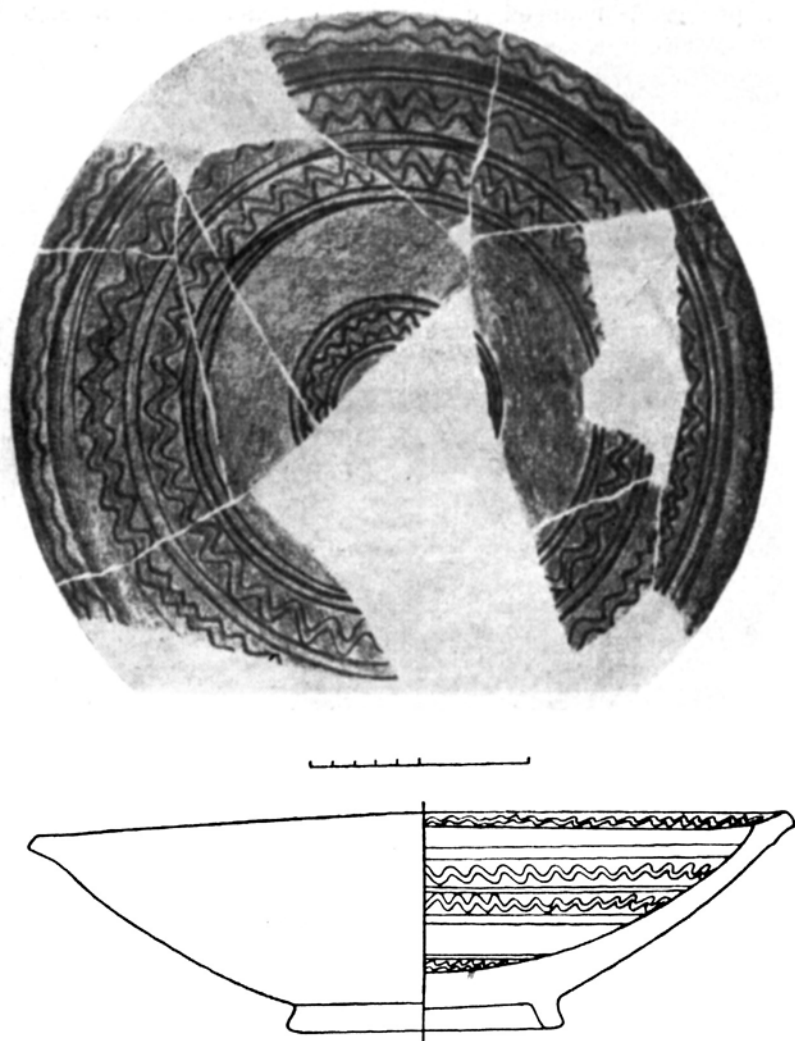

Рис. 3. Поливная монохромная чаша с зонами волны, № 4896/09.

скольких однородных больших монохромных чаш с очень простой орнаментацией врезной линией (гравировкой).

1) 4896/09 (8301). Фрагментированная большая чаша с серым черепком, на низкой кольцевой ножке, покрытая изнутри глубокого тона зеленой поливой и интенсивно коричневой — снаружи. Украшена четырьмя зонами двойной волны (одна — по бортику, две — по верхней части чаши, одна — на дне). Диаметр 35 см (рис. 3).

2) 4895/08. Чаша, совершенно тождественная предыдущей как по форме, так и по рисунку, и даже по размеру (диаметр 34,8 см);

единственное отличие: вместо зеленой—коричневая полива по ангобу (снаружи—без ангоба).

3) 2789/08 (ГЭ — X. 347). Блюдо, совершенно тождественное двум предыдущим (рис. 4).

4) 4895/08 (16954). Часть тождественного большого блюда, покрытого коричневой поливой с той же орнаментацией в виде зон двойной волны.

Рис. 4. Поливная монохромная чаша с зонами волны, № 2789/08.

Всем этим однородным чашам можно указать две близкие аналогии. Наиболее близкая—по форме и по орнаментации, и даже по размеру—чаша из раскопок Кабалы (северный Азербайджан, древняя столица Албании), покрытая той же зеленой поливой с подцветкой марганцем по ребрам и по краю в виде радиальной полосы (раскоп 1926 года, уч. 1, № 521/3028; хранится в музее Низами в Баку) (рис. 5). Заметим, кстати, что волна—обычный орнаментальный мотив на азербайджанской, как и армянской простой керамике X—XII вв. Другая аналогия—это фрагмент такой же чаши, найденной в Константинополе при раскопках Большого дворца в слое IV, датированном второй половиной X в., и, вероятно, привезенной из восточных областей империи (*The Great Palace of the byz ondon, emperors, London, 1947, табл. 22, 10, 11*).

5) 2712/09 (8291). Край белоглиняной чаши, покрытой коричневой поливой с зелеными мазками, украшен двумя зонами тройной волны

и треугольниками между ними; орнамент также выполнен толстой
врезной линией. Найден во II квартале, „пом. XXI, северо-западная
половина, под нижним полом“ (рис. 6).

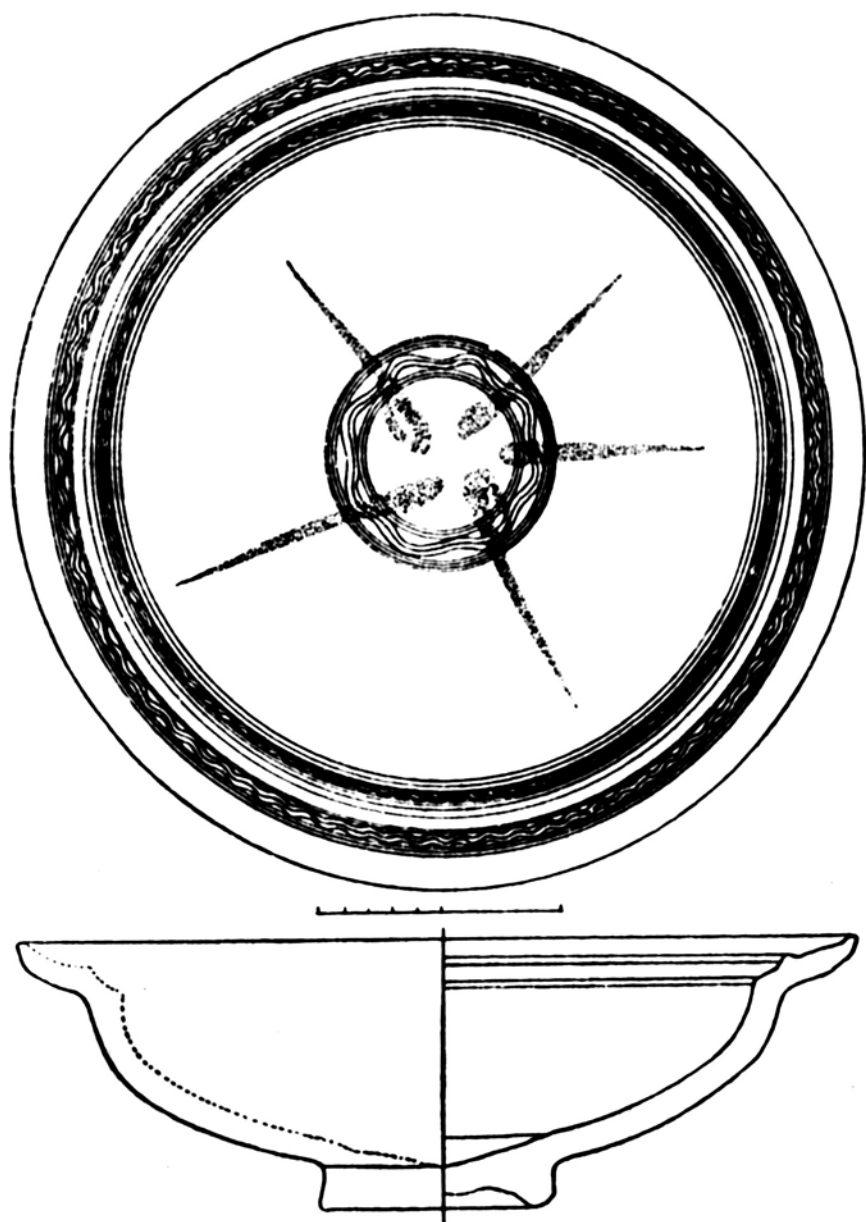

Рис. 5. Поливная монохромная чаша с зонами волны из раскопок Кабалы
(Азербайджан, в музее Низами, Баку).

6) 2606108 (16974), Обломок блюда или чаши с аналогичной орнамен-
тацией; покрыт зеленовато-желтой поливой. Найден в северо-восточ-
ной части городища „с восточной стороны главной улицы, за 2-й

продольной стеной". Ср. O. Wulff, *Altchristliche und mittelalterliche, byzantinische und italienische Bildwerke*, III, Berlin, 1911, табл. XXIV, 2116; *The Great Palace...*, табл. 22, 13 (из слоя IV, датируемого второй половиной X в.).

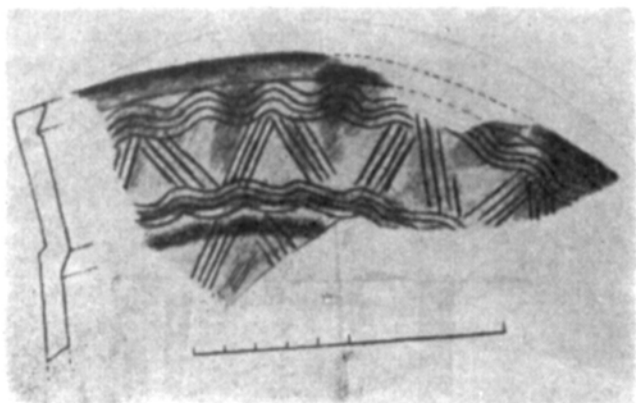

Рис. 6. Обломок белоглиняного блюда с гравированным орнаментом, № 2712/09.

Рис. 7. Поливная монохромная чаша с зоной двойной волны, № 2842/08.

7) 2842/08 (ГЭ—X, 348). Большая чаша, покрытая зеленой поливой и орнаментированная широким поясом, в котором треугольники чередуются с ромбами; пояс внизу окаймлен зоной двойной волны. Орнамент выполнен толстой врезной линией (рис. 7).

Чаша по стилю орнамента примыкает к рассмотренной группе поливных изделий.

Редкость такого рода чаш в Херсонесе, а также материал, из которого некоторые из них выполнены (фаянс), склоняют к предположению, что все эти чаши привозные с Востока (из Закавказья или Малой Азии) и бытовали здесь во второй половине X и в XI столетиях.

За последние годы в Херсонесе, при раскопках северных прибрежных кварталов, было найдено несколько интересных блюд и чаш XI—XIII вв.—как типа I (с красным черепком), так и типа II (фаянсовые). Они дополняют опубликованные нами группы новым материалом. В ближайшее время они будут изданы в очередных отчетах о раскопках. Поэтому в настоящих заметках в отношении этих групп ограничимся некоторыми дополнительными замечаниями и параллелями.

К № 5 (стр. 172). Важная аналогия—в Олинфе и Афинах: Excavations at Olynthus, V, by David Robinson, London, 1933, табл. 206, рис. 14; Hesperia, II, 2, 1933, стр. 310 (рис. 7).

К № 22 (стр. 174). Такой же рисунок на плоском блюде (константинопольского происхождения?), найденном в Херсонесе в 1955 г. (при раскопках северного прибрежного квартала), № 392/55¹. Относительно тождественного блюда из Константинополя ошибочно указана дата—первая половина XI в., надо—первая половина XII в.

К № 34 (стр. 175). Вполне тождественный орнамент в виде сетки с дужками в углах—на поливных блюдах XII—начала XIII в. в Азербайджане—из раскопок Орен-кала (древн. Байлакан) в 1953 году (неизд.), а с другой стороны—на поливных блюдах XI—XII вв. из раскопок афинской агоры (Hesperia, II, 2, 1933, стр. 315, и рис. 10).

К № 35 (стр. 176). Знак в виде пересеченного ромба помещен и на блюдах из Коринфа (Ch. Morgan, табл. LI, h) и Олинфа (Excavations at Olynthus, V, табл. 207, рис. 17).

К № 61 (стр. 184). Шахматный узор встречается и на поливной керамике в Олинфе (Excavations at Olynthus, V, табл. 207, рис. 16).

К № 85 (стр. 192). Тождественный орнамент—на керамике XI—XII вв. из раскопок афинской агоры (Hesperia, II, 2, 1933, стр. 314—315, рис. 10e).

К № 91 и 92 (стр. 193). Последние раскопки Байлакана (городища Орен-кала в Азербайджане) показали, что эти два фрагмента принадлежат к широко распространенной в Закавказье поливной керамике IX—X вв., где роспись ангобом была в то время наиболее популярным приемом украшения. Керамика эта издается в трудах Азербайджанской экспедиции ИИМК, т. I (в серии МИА).

К № 95 (стр. 194). Близкой аналогией является блюдо, украшенное росписью ангобом с радиальной композицией, из Эфеса (Археолоγικὸν Δελτίον, т. 7, 1921—1922, ст. Γ. Σωτηρίου, стр. 192) и из Коринфа (Ch. Morgan, табл. XX, i), а также из раскопок афинской агоры (см. Hesperia, 1933, II, 2, стр. 324, рис. 18 c).

¹ См. выше Г. Д. Белов, Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 г.

К № 97 (стр. 194). Аналогичный рисунок в виде спиралей, выполненных в той же технике росписи ангобом,—на блюде из Олинфа (Excavations at Olynthus, V, стр. 288 и табл. 205 (IV, A 2).

К № 105 (стр. 196). Близкую по рисунку морду зверя см. на аналогичных по стилю фрагментах из раскопок афинской агоры (Hesperia, II, 2, 1933, стр. 311, рис. 8h).

К № 115 (стр. 198). Ср. фрагменты из Коринфа со стилистически близким изображением человеческой фигуры (см. Ch. Morgan, табл. XLIX, a, j).

К № 116 (стр. 199). Фрагмент аналогичного блюда из Греции: Φρ. Βερσακис в 'Αρχαιολογικόν Δέλτιον, т. I, 1915, стр. 80, рис. 19.

К № 121—123 (стр. 200). Фрагменты чаш, совершенно аналогичных и по рисунку (змеи, окружающие птицу) и по форме, были найдены при раскопках Тмутаракани (Таманское городище) в 1930—1931 годах (хранятся в ГЭ) и в 1952 году (раскоп. VII, кв. Б, штык 2, № 80). Помимо указанного монументального рельефа с изображением птицы, окруженной змеей (стр. 202, левая, примеч. 3), следует привлечь плиту из о. Хиоса с изображением орла, окруженного змеей: 'Αρχαιολογικόν Δέλτιον, II, 1916, ст. Γ. Σωτηρίου, рис. 4 (табл. к стр. 30).

К № 124 (стр. 204). Аналогичная женская фигурка, сидящая по-восточному,—см. на грузинской миниатюре 1188 года (Ш. Амиранашвили, История грузинского искусства, М.—Л., 1950, табл. 106).

К № 135 (стр. 208—209). Чаша с совершенно аналогичным изображением сирина и той же расцветкой найдена в 1955 году (№ 389/55)¹. Чаша также, несомненно, местного изготовления и, судя по полному тождеству с № 135, выполнена, вероятно, тем же мастером.

К № 139 (стр. 215). Помимо Азербайджана, для поливной керамики которого такая орнаментация XII—XIII вв. специфична, она была в то время довольно популярной и в Грузии. См.: В. В. Джапаридзе. Керамическая промышленность Грузии XI—XIII вв. Тбилиси, 1956 (на груз. яз.), табл. XXXIX—XLVI.

К № 142. (стр. 216). Очень близкую по стилю аналогию изображения двуглавого орла дает барельеф на стене большой мечети Divrik (в вилайете Сивас, в Малой Азии) 1228—29 гг. (A. Grabriel, Monuments turcs d'Anatolie, Paris, 1934, табл. (LXX).

К № 144 (стр. 217). Аналогичное беглое изображение птицы—на поливном фрагменте из раскопок на Афинской агоре (Hesperia, II, 2, 1933, стр. 312, рис. 9,d).

К № 6 типа II (стр. 219). Ср. блюдо с изображением такой же композиции, но выполненным врезной линией (O. Wulff, III, 1923, № 6757, стр. 52).

* * *

В заключение остановимся на критических замечаниях, сделанных автору (в устной форме) А. В. Арциховским, который отметил, что в книге отсутствует исследование найденных в Херсонесе древнерусских крестов, многочисленных стеклянных браслетов и столь же многочисленных пряслиц из красного овручского шифера. Все эти группы вещей указывают, по мнению А. В. Арциховского, на тесные культурные связи Херсонеса с Киевской Русью.

¹ См. выше Г. Д. Белов.

Что касается русских крестов, которые относятся к XII и первой половине XIII вв., то исследование некоторых из них опубликовано нами в отчете о раскопках квартала XVII в. северной прибрежной части городища¹, но в книге они упоминаются (стр. 35) и воспроизводятся (там же, рис. 2). О стеклянных же браслетах в книге действительно нет речи. Но некоторые их формы—треугольные в сечении (с очень чистым синим стеклом) или квадратные в сечении, часто украшенные кружочками² и черточками, нанесенными краской, относятся, по условиям находки, еще к IX—X вв. и потому выходят за хронологические рамки книги. Для последующего времени—XI—XIII вв.—характерны браслеты круглые в сечении и витые. Они встречаются довольно часто и действительно очень похожи на браслеты, обычные в домонгольских слоях древнерусских городищ и связанных с ними могильниках. Но, во-первых, браслеты точно такой же формы, особенно витые, были характерны не только для древнерусского населения: витые стеклянные браслеты широко бытовали и в Закавказье—находки их были обычны, например, в слоях XI—XII вв. Байлакана (городище Орен-кала) в Азербайджане. Во-вторых, технический анализ херсонесских и древнерусских браслетов указал на существенную разницу тех и других, исключающую общее происхождение их³. Таким образом, предположение о русском происхождении таких браслетов в Херсонесе не может быть принято.

Несколько слов относительно пряслиц. Мы просмотрели в фондах ГХМ все паспортизованные пряслица из раскопок в северо-восточной части городища (за время с 1908 по 1914 г. их найдено там, по описи, 82 шт.) и в северном прибрежном районе (за время с 1931 по 1937 год их найдено там, по описи, 41 шт.)—всего 123 шт., включая и античные.

Просмотр этого материала показал следующее. Во-первых, подавляющее большинство пряслиц—глиняные или из серого или черного камня. Из красного (лиловатого) шифера, напоминающего овручский, зарегистрировано очень немного пряслиц, всего 30 шт. Во-вторых, шиферные пряслица отнюдь не однородны по форме: некоторые из них более или менее плоские (например, 5/14, 2511/09, 3236/09 и др.—таких большинство), или овальные в сечении (например, 1198/13), или приближающиеся по форме к древнерусским—бочковидные (например, 2114/11) и бипирамидальные, наиболее близкие к овручским пряслицам, но таких только 8 экз. (3269/09, 266/11, 315/11, 1598/11, 122/12, 1938/12, 379/13, 3851/13). В третьих, что особенно важно, почти все только что перечисленные бипирамидальные красношиферные пряслица, судя по стратиграфическим условиям их находки („яма под 1-м полом“, „яма под полом“, „под 3-м полом“) или по совместно найденным монетам (преимущественно Василия I и Романа I) и вещам (белоглиняная полива IX—X вв.) относятся ко времени не позднее X в.; иначе говоря, хронологически они предшествуют древнерусским шиферным пряслицам, составляющим частую находку в предмонгольских слоях русских городищ Поднепровья⁴.

¹ См. МИА, № 34, 1953, стр. 137—138 и 147—148.

² Однажды приняты за надпись (М. А. Шангин, Некоторые надписи Херсонесского музея, ВДИ, 1938, № 3 (4, стр. 84).

³ М. А. Безбородов, Стеклоделие в древней Руси, Минск, 1956, стр. 210—211.

⁴ Подробнее см. А. Л. Якобсон, К истории русско-корсунских связей в XI—XIV вв. Византийский Временник, XIV, 1958, стр. 118—119, 126—127.

Так или иначе, изучение херсонесских шиферных пряслиц показывает, что и эта группа материала не может служить для характеристики русско-корсунских культурных или торговых связей в XI—XIII вв.

Как убеждает наличный материал, культурные связи и торговые сношения Киевской Руси тянулись главным образом непосредственно в Царьград; те и другие связи миновали Корсунь, которая, по-видимому, слабо участвовала в них и, в сущности, оставалась в стороне от этих сношений. Русские связи с Северным Причерноморьем активизировались в конце X и особенно в XI в., когда появился и упрочился русский форпост в этом крае—Тмутаракань. В этих сношениях Корсунь имела значение лишь транзитного пункта.

Резкая перемена произошла, по-видимому, в середине XIII в., когда в Корсуни появилось русское население, бежавшее сюда из городов Поднепровья, вероятно, под угрозой татарского разорения.
